

395 лет назад, 22 октября 1612 года по старому стилю, второе земское ополчение под предводительством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского овладело Китай-городом, а 27 октября штурмом взяло Кремль. Освобождение Москвы свидетельствовало, что так называемая смута приняла характер национальной борьбы, в которой русские стремились покончить с иноземным гнетом. Жители городов заволновались и стали переписываться между собой «о совете и единении против поляков».

заков. В августе 1611 года, когда он узнал, что подмосковное казачье ополчение намерено присягнуть Воренку (сыну Лжедмитрия II и Марины Мнишек), то незамедлительно отправил в Нижний Новгород грамоту, настаивая, чтобы казанский митрополит и земские люди отговорили казаков «от этого проклятого дела». Этой грамотой Нижний Новгород был поставлен в центр патриотического движения. Немудрено, что он раньше других городов поднялся и на освобождение Москвы.

Стоит отметить, что освободительное движение было инициировано именно посланиями Гермогена, а не только патристическими грамотами, которые отправлялись из Троице-Сергиева монастыря. Более того, монастырь находился в состоянии некоторой подчиненности от подмосковных казаков, поскольку в их среде формировались органы гражданской власти. В то же время во главе монастырской братии стоял замечательный человек - архимандрит Дионисий, личность добродушного и открытого нрава, выдающегося ума. Он умел так направлять деятельность монастыря, что она получила высокое и плодотворное значение. Пользуясь громадными средства-

вой воевода. Особенно выделялась такая черта Пожарского, как сознательное отношение к событиям чрезвычайного характера. Он никогда не терялся и постоянно знал, что нужно делать, при смене властей в Москве он служил им в меру их законности. Он обладал собственной политической философией, которая оберегала его от авантюризма и «шатости»; у него был свой «царь в голове». Пожарского нельзя было направить чужой мыслью и волей в ту или другую сторону. Несмотря на то, что он был не очень родовит и невысок чином, его личность и военные способности доставили ему почетную известность раньше 1612 года. Современники ценили его высоко, он был популярен - иначе не выбрали бы его нижегородцы своим воеводой, имея двух воевод в самом Нижнем Новгороде.

О Пожарском не было бы разных мнений, если бы, к его невыгоде, ему не пришлось действовать рядом с Мининым, человеком еще более крупным и ярким. Кузьма Минин - гениальный человек с большим самостоятельным умом, он соединял способность глубоко чувствовать, проникаться идеей до забвения себя и вместе с тем оставаться практиче-

ополчения и сформировать его. Составили приговор о мирском сборе и предъявили его нижегородскому воеводе князю Звенигородскому и соборному протопопу Савве, которые собрали в городской собор жителей, чтобы зачитать пришедшую грамоту. Свое слово сказал Савва, убеждая народ стать за веру. После него заговорил Минин: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имени своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником». Слова эти произвели большое впечатление, все жители города были за то, чтобы образовать ополчение.

Раньше всего занялись денежным вопросом. Стали собирать добровольные приношения, других средств не было. Давали нижегородцы много: «третью деньгу», то есть третью часть имущества. Так давал порешил мир, и кто давал меньше, с того брали силой. Были люди, жертвовавшие почти все, что имели. На первые нужды денег оказалось достаточно.

Второй заботой было сыскать воеводу. По предложению Минина избрали Пожарского. Он жил тогда верстах в 100 от города в своей вотчине и лечился от ран, полученных полгода назад под Москвой. К нему то и обратились нижегородцы, минуя своих воевод князя Звенигородского и Алябьева.

Поначалу Дмитрий Михайлович отказывался от этого предложения и согласился при условии избрания кого-нибудь из посадских людей для ведения в ополчении хозяйственных дел. При этом он указал на Минина, чтобы тот «у того великого дела был и казну собирал».

Весть о приготовлениях нижегородцев быстро распространилась в ближайших городах. Первыми на нее откликнулись бездомные смоляне, вязьмичи и дорогобужцы, лишившиеся в результате военных действий своих поместий. Все они были приняты в войско.

Недостаточность военных сил и денег скоро вынудила нижегородцев обратиться с грамотой к другим городам. «А вам бы, - писали нижегородцы, - с нами быть в одном совете и ратным людям на польских и литовских людей идти вместе...» Первыми на этот призыв откликнулись жители Коломны, за ними - ярославльцы.

Когда ополчение было несколько устроено, оно выстуило из Нижнего Новгорода в марте 1612 года и направилось в Ярославль. Сюда оно прибыло в начале апреля и пробыло здесь до августа. Эта долгая стоянка вызвала много обвинений в адрес Пожарского. Хотя воеводу вполне можно оправдать намерением лучше устроить и обезопасить войско, обезопасить его тылы. Кроме того, Пожарский не один управлял ополчением. В войске была высшая власть - земский собор, которому повиновался и воевода. Несмотря на ясные признаки этого собора, он долгое время не замечался учеными. Дело в том, что вообще организация управления в войске Пожарского очень темна по скудности сведений. Ясно только то, что князь с «товарищами» управлял не только ополчением, но и территориями, на которых оно находилось. Пожарский принимал челобитные, давал тарханские и жалованные грамоты монастырям, делал постройки в городах, предоставлял льготы разоренным, назначал денежные сборы на ратное дело. Но всем этим он занимался «по совету всей земли», «по указу всей земли». А термином «земля» в те времена обозначали как раз земские соборы. Стало быть, соборное начало уважалось в войске Пожарского, чего не было в рати Ляпунова и Заруцкого.

Первый намек на существование земского собора около Пожарского содержится в грамоте от 7 апреля 1612 года, направленной в города. Он просит прислать ему выборных «для царского обирания» и для совета о дипломатических и государственных делах. Есть возможность думать, что на этом соборе были представители трех сословий: духовного, служилого и тяглового.

Около 20 августа 1612 года ополчение двинулось из Ярославля под Москву. Польский гарнизон в Кремле и Китай-городе, окруженный со всех сторон и лишенный какой бы то ни было серьезной помощи, дошел до крайней нужды и сдался. По взятии Москвы Пожарский грамотой от 15 ноября 1612 года звал по десять человек от городов для выбора царя.

Его избранию чуть было не помешал поход короля Сигизмунда III на Москву. Он дошел до Волоколамска, три раза подступал к городу, трижды был отброшен и вернулся в Польшу. Вот после этого русские стали спешить с выборами царя. Они говорили, что им без государя «ни малое время быть не можно; лещися о государстве и людьми Божиими промышлять некому». Царя нужно избрать такого, чтобы его имя могло стать знаменем для всех друзей порядка. Это знамя нужно было водрузить скорее, пока земщина была сильнее поляков и казаков, пока элементы беспорядка не возобладали снова.

Идея народного единения была актуальна не только в период смуты начала XVII века. Она неизменно овладевала русскими людьми в те периоды отечественной истории, которые угрожали целостности государства, чести и достоинству его граждан. Так было во время Отечественной войны 1812 года и в тяжелейшие периоды Великой Отечественной войны. Распад СССР вызвал угрозу существования современной России. Но ее граждане вновь вспомнили своих великих героев - Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского. День 4 ноября по теперь уже новому стилю напоминает о кульминационном событии того далекого времени - освобождении Москвы от интервентов. Сегодня наше государство крепнет день ото дня, становясь все более сильным и авторитетным. Это становится возможным, когда идея народного единства все больше овладевает сознанием соотечественников - наших современников.

Михаил БУЛАНЖЕ

И СОБИРАЛАСЬ ЗЕМЛЯ РУССКАЯ...

4 ноября в Российской Федерации отмечается День народного единства

Нижегородцы еще в январе 1611 года прислали в Москву своих представителей проведать, что в столице делается. Посланные увидели, как хозяйничают в Москве поляки, были у патриарха Гермогена, который благословил их на восстание против врагов. Нижегородцы писали об увиденном в другие города, и восстание против поляков поднималось повсюду. Сила национального движения была так велика, что захватила даже сторонников Лжедмитрия II, впоследствии прозванного тушинским вором.

К несчастью, во второй половине 1611 года, со взятием Смоленска и Новгорода, с усилением самозванства во Пскове вся западная часть Московского государства попала в руки его врагов. Сама Москва находилась в их власти. Русские люди остались без руководителей против сильного неприятеля. Время настало до того критическое, что, казалось, Московское государство переживает свои последние дни.

Опаснее всех других были, конечно, поляки, но они же допустили ряд оплошностей. После взятия Смоленска король Сигизмунд III отправился в Польшу праздновать свои победы вместо того, чтобы идти на помощь польскому гарнизону в Москве. К русской столице он послал только слабый отряд конницы во главе с гетманом Ходкевичем. В октябре 1611 года Ходкевич был отбит и ретировался.

Его поражение способствовало укреплению русского национального самосознания. В восточной части Московского государства оживились отношения между городами. Из города в город сообщали известия о текущих политических событиях, писали о том, как следует держаться и поступать, пересылали грамоты из Москвы и других мест с призывами восстать против врагов. В этих посланиях заключались целые политические программы. Все поволжские города согласились в том, чтобы им «быть в совете и единении», охранять общественный порядок, не допускать грабежей, не заводить усобиц, не принимать новой администрации, кто бы ее ни назначил, а сохранять свою старую, которой они верят.

Можно было только удивляться энергии, которую проявляли эти мелкие поместные миры, предоставленные лишь собственным незначительным силам, и той целостности, с которой они держались друг за друга. Весь север и северо-восток Руси находились тогда в состоянии высокого духовного напряжения и просветления, какие обычно проявляются в народных массах в моменты великих исторических кризисов. С необыкновенной ясностью и простотой во всех грамотах подчеркивалась одна мысль, ставшая достоянием всех и каждого: за веру, родину и общественный порядок необходимо бороться сообща и не с одной «Литвой», но и со всеми теми, кто не осознает этой необходимости. Понимая весь трагизм положения, люди искали общего «совета» и «соединения» по примеру Нижнего Новгорода.

То, что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось лучшими людьми того времени с большей полнотой мысли и с большей определенностью чувств. Эти люди глубоко влияли на массу, направляли ее на общее дело, помогали ее объединению. Первым среди таких людей, вне всякого сомнения, стоял патриарх Гермоген, человек с чрезвычайной нравственной силой как личность и с громадным политическим влиянием как религиозный, государственный, общественный деятель. Он раньше и яснее всех русских людей осознал, что иноземный, а более всего польский царь невозможен в Москве. Поэтому он был в постоянной вражде с боярами, державшимися Сигизмунда и называвшими себя его «государственными верными подданными». Поэтому же он не боялся благословлять народ на восстание против поляков. Даже находясь в заключении, он находил возможность рассылать грамоты по русским городам, направленные против поляков и предавших им ка-

ми от доходов святой обители, Дионисий употреблял их на благотворительность, тысячами призывая нищих, больных и раненых людей, пострадавших в смуте.

Такие люди, как Гермоген и Дионисий, стояли в центре национального-освободительного движения и руководили настроением жителей всей страны. Конечно, в городах были свои вожаки, люди, более других воодушевленные, яснее и дальше других смотревшие. Одному из таких местных деятелей - Кузьме Минину - суждена была главная роль и в общенациональном движении; другому, князю Дмитрию Пожарскому, пришлось стать воеводой всей земли Русской.

О личностях Минина и Пожарского много писали и спорили. Известный историк Н. Костомаров полагал в отношении Пожарского, что это была честная посредственность, которой выпало на долю сделать так много потому, что другие умело руководили этим человеком. Возражая против такого взгляда, историк И. Забелин отмечал постоянную успешность военных действий Пожарского, находил в нем достаточно личной самостоятельности и инициативы и пришел к заключению, что это был талантлив-

ским человеком, умеющим начать дело, организовать его, воодушевить им толпу. Его главная заслуга состоит в том, что он сумел дать всеми владевшей идее конкретную жизнь - каждый в то время думал, что надо спасать веру и царство, а Минин первый указал, как надо спасать, и указал не только своими воззваниями в Нижнем Новгороде, но и всей своей деятельностью.

Минин не был простым мужиком нижегородским. Он торговал и был одним из видных людей в городе. Нижегородцы избрали его в число земских старост, стало быть, ему верили. Управляя делами нижегородской податной общины, он должен был привыкнуть вести большое хозяйство города и обращаться с большими деньгами, собиравшимися земскими старостами в уплату податей. Мимо него не проходила ни одна грамота, адресованная нижегородцам, ни одна политическая новость. Он следил за положением дел и обсуждал их в городских сходках, которые вошли в обычай в городах благодаря обстоятельствам смутного времени, напоминая собой древнее вече.

На одном из таких собраний осенью 1611 года под влиянием грамот от патриарха Минин поднял посадских тяглых людей на то, чтобы собрать деньги для